

СЕЛИН СААДИ АСЯ ПЕТРОВА

БЫВШИЙ МУЖ

МЫ НЕ ЗАКОНЧИЛИ

Селин Саади

БЫВШИЙ муж. Мы не закончили

<https://litres.ru/74215528>

Аннотация

Четыре года назад в один миг моя жизнь полностью разрушилась: я пережила выкидыш, после раскрылась измена мужа, что привело к болезненному и тяжелому разводу.

Я собрала себя по кусочкам, встала на ноги, отряхнулась и продолжила жить, навсегда закрыв прошлое.

Но оно вновь вторгается в мое настоящее, напоминая о той адской боли. Только теперь я уже не та, что будет терпеть. Мне есть что сказать.

— Хорошо выглядишь, Василиса. Мне тут пташки напели, что ты вопросом усыновления занялась...

— Не твоё дело! Мы больше не связаны друг с другом.

— А я так не считаю, Василек... То, что я тогда не хотел ребенка, не говорит, что я не хочу его сейчас.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: неидеальные герои, эмоции на грани, обязательный ХЭ

Героев ругать можно, авторов нет)

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ☆ НАМ ОЧЕНЬ ЦЕННА ВАША ПОДДЕРЖКА!

Книга участвует в литмобе "Пепел измен"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Визуализация	16
Визуализация 2	17
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 44	39
Глава 7	44
Глава 45. Марк	48
Глава 8. Марк	53
Глава 46	58
Глава 9	63
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Подбираю подходящий пиджак к элегантному платью, что выбрала для сегодняшнего мероприятия. Раздумываю, глядя на своё отражение в зеркале. Наверное, светлый будет смотреться выигрышно с цветом горького шоколада, и нарядно заодно. Да, сочетание вполне себе...

Да и сколько можно уже на спортивном, как говорит моя коллега Лена.

Работа тренером по художественной гимнастике предполагает, конечно, периодические выходы, но в большинстве своём, ты в форме занимаешься своими подопечными. Причём львиную долю своего времени. В собственном отражении проскальзывает нотка грусти. Но это скорее по нереализованным мечтам и планам, которым не было суждено случиться.

Когда-то я была частным тренером и занималась лишь с несколькими девочками. Жизненная ситуация, да и вообще собственные мысли тогда были другими.

Тогда ещё был человек рядом, которого я ошибочно считала своей родственной душой, опорой и любовью всей своей жизни. Однако все мы имеем вероятность обжечься. И я в своё время, сильно ошиблась.

Теперь же, уже как четыре года я в разводе и три из них работаю в популярном спортивном клубе города, возвращая

настоящих профессионалов и болеющих своим делом, ребят. Их рвение и энтузиазм порой поражают и восхищают. Не всем взрослым дано так идти к своей цели. И да, этот обмен с молодым поколением, он многому учит и нас, тренеров.

Поправляю строгую юбку от платья, рассматривая своё отражение. Волосы привычно убраны, хотя, вероятно, сегодня стоит себе позволить их распустить.

Освобождаюсь от заколки, рассыпая русые локоны по плечам. Я порой даже забываю, насколько они стали длинные. Лёгкие волны, благодаря пучку смотрятся вполне себе неплохо, поэтому, чуть зачесав их, я оставляю причёску такой.

Убеждена, через час обратно заплету, потому что привыкла смолоду, чтобы не мешались, когда ещё и сама занималась гимнастикой. Беру сумочку в тон пиджаку, и наконец, выхожу из своей квартиры.

Такси уже внизу, и я надеюсь, что доеду быстро.

С погодой сегодня точно повезло, светит яркое солнце. И выйдя на улицу, я невольно улыбаюсь ему.

Времени свободного сейчас у меня не так много. В выходные хоть я и прогуливаюсь, но как назло, когда ты свободен — либо пасмурно, либо облачно. Правда, вроде бы обещают аномально жаркое лето. И так как клуб в связи с новым владельцем и явными перестройками, которые последуют после, наверняка возьмёт отсрочку, можно будет понежиться

на солнышке. А заодно и посвятить время для реализации своих мыслей.

Сколько бы мы, сотрудники, не пытались выяснить у коммерческого директора о новом учредителе, всё в строжайшем секрете. Будто, не знаю, этот кто-то - высокая шишка.

Откровенно, мы ставим ставки на то, насколько новому владельцу будет интересно заниматься делами клуба.

Когда три года назад я устроилась сюда, от текущего хозяина были и есть только ФИО на документах, которые подписывают другие люди. Поэтому, я думаю, сейчас ситуация не сильно изменится. Главное, чтобы не было тонны нежелательных нововведений, потому что работа и условия очень комфортны. А если уж такие люди, которые выкупают спортивные клубы, задумывают играть с «новыми игрушками» и строить важных знающих начальников, обычно к хорошему это не приводит.

Спустя полтора часа моих размышлений такси, в конце концов, довозит меня до места назначения. Поблагодарив водителя, я выбираюсь из машины. Когда вхожу внутрь, вижу наших тренеров и Лену, в том числе.

— Привет, — машет она мне и подзывает к их компании.

— Какие все красивые, — подхожу я ближе.

Так как в клубе несколько видов спорта, то и здесь у нас: я с гимнастикой, Лена с акробатикой, мужская половина с плаванием, самбо и карате.

— Ты себя видела, Леонова? — тут же вторит мне Лена.

— Гончарова я, — поправляю её.

Сколько лет уже общаемся, а она всё ещё называет меня фамилией бывшего мужа. На мои слова отмахивается рукой, как делает всегда, а я качаю головой.

— Выглядишь и правда, шикарно, Вась, — повторяет за ней Роман, наш тренер по самбо.

Улыбаюсь ему, благодарно принимая комплимент.

В то время, как я только пришла сюда работать, он пытался ухаживать за мной. Однако это было спустя год после тяжёлых событий и болезненного развода. Я, признаться, на тот момент ещё не оправилась. Откровенно, работу искала, чтобы отвлечься и встать на ноги, а не ради новых отношений.

Роман попыток не оставляет, хоть и делает это очень ненавязчиво. Да и я, в какой-то степени оттаяла, и даже пару раз мы встретились вне работы.

Но, мужчина для меня сейчас абсолютно не главное в жизни. Ну и, будем честны, позволять ухаживать за собой только ради того, чтобы не обидеть - это уж совсем не в моём стиле. Я сразу высказала свою позицию, полагаю, он её принял и понял.

— Слушайте, я краем уха слышала, что наш новый, говорят, настоящий бизнесмен... далёк от спорта совсем, — шёпотом говорит Лена.

— А ты думаешь, что в спорт вкладываются только спортсмены? — со скепсисом я смотрю на подругу.

— Ну, он же должен любить его, — резонно замечает подруга.

На что мужская половина нашей компании пытается ей объяснить, что это совсем не так.

Замечаю, что все, кто стоит в холле, начинают движение в сторону входа в один из залов и указываю нашим.

Мы тоже потихоньку шагаем вслед за всеми, Лена пытается всё рассмотреть, вставая на носочки, но обзор ей закрывает количество людей, что двигаются плотной массой внутрь.

Улыбаюсь, глядя на неё. Всегда такая, немного шепутная, громкая, но очень добрая, и невероятно хороший человек. Она поддерживала меня, как никто в тот момент, когда я осталась на дне разбитых мечт. Не давала мне забывать кто я, какая я, и чего стою. Не у всех есть такие друзья.

Наконец, входим в зону фуршета, где стоит множество высоких столиков, обтянутых синей и белой тканью, а на них вазоны с цветами. Смотрится эффектно.

Негромко играет модная, популярная попса, которая трубит из всех динамиков, и в целом обстановка довольно торжественная.

— Не поскупились на цветочки, — тут же шепчет подруга.

— Красиво, — пожимаю плечами, замечая руководство клуба.

Киваю, здороваясь с коммерческим директором, тут же и секретарь, и, конечно, вся администрация.

Лёгкое волнение пробирается куда-то вглубь живота, и я

не понимаю с чего вдруг.

Занимаем с Леной один из столиков, и внезапно около нас появляется Роман с бокалами игристого.

— Спасибо, — поднимаю свой, чтобы смочить горло.

Отчего-то пульс явно повышен. Не самое лучшее комбо с алкоголем, но явно моё волнение сейчас не к месту.

Ни с того, ни с сего в этот момент всплывает картинка в голове из прошлого.

Такие же столики, только гораздо скромнее украшены. На нём мой недавно полученный диплом. Я озираюсь по сторонам в ожидании самого важного для себя человека, но его всё нет. Уже нервничаю, потому что он обещал прийти. Несмотря на то, что он не относится к выпускникам, потому что старше.

Вокруг веселье, наконец, взрослая жизнь, в которую мы уходим из студенчества. А потом горячие ладони, которые закрывают мои глаза и хриплый шёпот в ухо.

Делаю резкий глоток шампанского, стирая этот эпизод из своей головы.

Пятнадцать лет брака, конечно, дают своё. У тебя, по сути, и не остаётся ничего, что бы ты могла ассоциировать только с собой.

Всё вместе. Воспоминания, мысли, жизнь. Всё на двоих.

И казалось бы, прошло уже четыре года после предательства и с момента развода. Полно отдельных, только моих моментов, а порой всплывает что-то такое, что оставило глубо-

кие следы в истерзанной душе.

Страхиваю головой в попытке забыть и посвятить уже своё внимание этому вечеру. Однако в этот момент, черт возьми, снова фантомно я будто чувствую аромат его парфюма.

Медленно веду головой направо, думая, что свихнулась, и в это мгновение останавливается вся жизнь. По импровизированной дорожке между столами, в окружении нескольких мужчин в деловых костюмах, идет тот, кто однажды раскромсал меня до основания. Тот, кто должен был бы взять и обнять после того, что мы пережили, а вместо этого, он пошел изменять.

Не замечая, что криво ставлю бокал на стол, и он падает, разливая сладкое шампанское по красивым скатертям.

Призрак из моего прошлого уверенным шагом движется к сцене, пока капли игристого растекаются пятном и стекают на пол.

Всё такой же нарочито собранный и серьёзный. Демонстрирует свою тотальную власть лишь одним взглядом, а под руку с ним, высокомерно глядя вокруг, эффектная брюнетка лет двадцати пяти.

Глава 2

Леонов Марк Викторович. Так его представляют нам...

А мне это имя знакомо. Когда-то его фамилия была и моей. Когда-то этот мужчина называл меня самой любимой женщиной, обнимал, целовал... А потом всё закончилось. Мне показалось, что закончилось словно за секунду, я даже осознать не успела, а на руках уже было свидетельство о разводе.

Было чертовски больно. Хотя Марк и уверял, развод — это бред, и я совершаю ошибку. Но тогда я посчитала правильным уйти, мне было невыносимо больно рядом с ним. Предательство было не самым болезненным, суть была в том, что он предал меня в самый тяжёлый момент в нашей жизни.

Я отгоняю от себя прошлое, чтобы не окунаться в ту боль, не проживать её вновь. Бывший муж начинает вещать со сцены в микрофон, как он рад всех приветствовать, что он обязательно поможет процветанию нашего клуба.

— Васюш, у тебя такая же фамилия была. Это же не...? — Лена обеспокоенно оборачивается на меня. Она за секунду по моему взгляду понимает, что да, это он.

— Я Гончарова, — пожимаю плечами, вновь повторяя, а она благо теперь понимает и больше эту тему не поднимает. За что я, безусловно, ей благодарна.

Так много пафоса, громких слов звучит в его речи. Он мажет ленивым взглядом по всем присутствующим, не замечая меня. Я не хочу его видеть. Я не хочу, чтобы он видел меня. Жмусь ближе к Лене, чтобы спрятаться за её спиной.

— Я благодарен каждому из вас, за ваш неизмеримый вклад и отдачу. За то, что вы тренируете наших будущих чемпионов, — Леонов поднимает бокал вверх, — Дальше только больше!

Он салютует всем бокалом, а зал наполняется возгласами и овациями.

Я не знаю, где нахожу силы, чтобы просто стоять. Меня шатает, а пульс предательски только больше разгоняется.

Та спутница, что пришла с ним, аккуратно касается его пиджака, что-то шепчет ему на ухо, из-за чего он расплывается в улыбке, а после опускает свою ладонь ей на талию.

Василиса...

Тебе не больно. Не больно, слышишь? Ты просто не ожидала его увидеть.

Но тебе не больно!

Его спутница запрокидывает голову назад, а после начинает весело хохотать. Он поднимает глаза вверх, делает это как-то резко и неожиданно.

Ловит мой взгляд, мы смотрим друг на друга, и всё вокруг начинает замедляться, словно в фильме.

— Лен, — хриплю, чувствуя, как горит моё лицо, — Я пойду в уборную отойду.

— Давай, Васюш, беги.

И я сбегāju. Потому что это просто невозможно.

Мне казалось, что жизнь начала налаживаться. Я наконец-то почувствовала её вкус. Я стала радоваться, как и раньше, обычным житейским мелочам. Я перестала болезненно воспринимать мамочек с колясками и счастливых жён.

Я с трудом поставила себя на ноги, активно занялась тренерством, и дала себе возможность просто жить... А теперь, он вновь появляется на горизонте, как царь и Бог, как вершитель.

Я молила небеса, чтобы он исчез. Чтобы наши пути больше никогда не пересеклись, так почему же это случилось? Я недостаточно настрадалась?

Ополаскиваю лицо прохладной водой, внимательно смотрю на себя в зеркало.

Вась, нужно собраться!

Он не должен понять, как внутри тебя всё рвётся и ломается только от одного взгляда. Ты больше не позволишь ему сделать больно, ты больше не дашь ему возможности издеваться.

Я произношу эти слова как мантру в голове, плотно укореняя мысли, чтобы они засели там.

Когда дёргаю ручку уборной и выхожу в холл, тут же вижу перед собой Марка. Он лениво опирается спиной о колонну, руки сложены на груди, а взгляд бежит по моему лицу.

Я не вижу смысла в разговоре, даже в мимолётном при-

ветствии.

Ничего не говоря, я даже не смотрю в его сторону, делаю уверенные шаги прочь.

Мне на минуту кажется, что он следует за мной, потому что его парфюм плотно забивается в ноздри.

— Василиса, — окликает, но я не торможу, — Даже не здороваешься?

Нет, даже не здороваюсь. Потому что я хочу, чтобы ты исчез. Чтобы тебя рядом со мной не было.

— Ясно, — усмехается в спину, — Тебя так задевает, что я сюда пришёл с другой бабой, да? Показываешь характер?

От наглости я приоткрываю рот, делая глубокий вдох.

Так ты думаешь, что я ревную, Леонов? Какой же ты самовлюблённый идиот...

Визуализация

Леонова Василиса Дмитриевна, 41 год

Визуализация 2

Леонов Марк Викторович, 43 года

Глава 3

Единственная реакция, какую я выдаю, это оборачиваюсь на него и усмехаюсь.

А внутри боже, внутри рвётся каждая артерия. Потому что увидеть его сейчас так близко, это снова перенести ту боль. Каждую секунду потери, к которой я не была готова. Я бы не хотела винить только его, но я виню.

Он прожигает взглядом, видит мою усмешку, и она ему не нравится.

Марк никогда не отличался покладистым характером. Что уж говорить, мы оба. Я из спорта, закалка гимнастики, ох, что она делает. А он, человек, который вырос в многодетной семье. Который вырывал каждый кусок для себя и доказывал миру, что он достоин большего. Это никак не стереть, и возможно, эти черты, которые, казалось бы, делали нас сильными, стали началом нашего конца.

Ничего не ответив, я уйду и слышу, как он позади чертыхается. В горле сухо, в груди пусто, а перед глазами снова то время, когда у меня не было желания открывать их. Когда мне хотелось, чтобы муж был рядом, но его волновали только вечера в обществе дешёвых эскортниц. Что уж говорить, и не только вечера...

Возвращаюсь в зал, Лена с беспокойством смотрит на меня. Делаю вид, что всё в порядке. Хотя едва ли. Но он не

получит и сотой доли моих эмоций. Ни единой. Больше никогда.

— Ну ты как? — шепчет мне подруга, хватая мою ледяную ладонь.

— Нормально...

— Он сразу после речи пошёл за тобой, — явно шокированная, она рассказывает.

Киваю ей, не желая сейчас это обсуждать. На сцене идёт какая-то программа, а я намерена исчезнуть отсюда. И главное — сделать это как можно незаметнее.

— Лен, прикроешь меня перед Михайловым?

Это наш главный массовик-затейник в лице коммерческого директора. Я ничего не имею против тимбилдингов и прочего, раз в пятилетку. Но не в таких, для себя, условиях.

— Конечно, — кивает подруга.

— У тебя всё в порядке? — чувствую, как на талию ложится крепкая ладонь, и от неожиданности подскакиваю.

— Ром, напугал, — нервно улыбаюсь я.

Он не сильно выше, поэтому наши лица практически на одном уровне.

— Извини, — так и не убирая руки с талии, отвечает: — Точно всё хорошо?

Киваю ему, наконец, отвечая на вопрос. И в этот момент краем глаза вижу, как в сторону сцены двигается Леонов.

С бокалом в руках и прищуренным взглядом, он буквально пригвождает к месту своей энергетикой издали.

Повыше вздёргиваю подбородок, делая вид, что не замечаю.

— Я пораньше уеду, — озвучиваю Роману: — Знаю, мы договаривались после где-нибудь посидеть нашей компанией, но неважно себя чувствую.

Знаю, что мужчина расстроится. Я часто не посещаю подобные посиделки, а он как раз настаивает на том, чтобы немного расслабляться. В том и разница, что для меня расслабление — это совсем иные способы.

Не шумные вечера в барах или ресторанах, не активности, которых мне хватает по долгу моей карьеры, а напротив, спокойствие, музыка, которая позволяет расслабить не только мышцы, но и голову, или йога.

— Опять динамо? — видимо, мою речь услышал наш каратист: — Ай-яй, Вася! — качает он головой в шутку, а я пожимаю плечами.

В этот момент меня будто обдаёт ледяным потоком воздуха, и я чувствую древесный аромат, с которым связаны не самые лучшие воспоминания.

— Доброго вечера, как вам отдых? — нарочито приветливо звучит баритон Леонова, а я на секунду прикрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Лена ошарашенно смотрит на него, как собственно, и мужская половина нашего стола.

— Мы, бесспорно, ещё успеем познакомиться, но почему бы не начать сразу — Марк Викторович, а вы, я так пони-

маю, тренерский состав, верно? — переводит он взгляды с каждого и переходит ко мне.

Не смотрю на него, найдя точку на рубашке Романа, который стоит ближе всего.

— Роман Алексеевич Буднев, — он первым тянет ему руку: — Тренер по самбо.

— Ого, — прямо чувствую на себе взгляд Леонова и хочу провалиться сквозь землю.

Кожа вся будто покрыта чем-то вязким и липким оттого, что призрак стоит так близко. Мгновенно хочется снять с себя одежду и встать под контрастный душ, чтобы избавиться от этих ощущений.

— Игнатова Елена Васильевна, — как издавна слышу по-другу, а Леонов продолжает играть свой спектакль, пожимая её ладонь.

Дальше представляются тренера по карате и плаванию. А в конце Леонов встаёт практически чётко напротив меня, чем внаглую отодвигает Романа.

— А вы? — не сводит ледяных голубых глаз и даже не моргает.

Незаметно вдыхаю носом, и глядя в его глаза, скрывая своё презрение и тошноту, которая подступает к горлу от его присутствия, отвечаю.

— Гончарова Василиса Дмитриевна.

Вижу, как он тянет уголок губ, и вздёргивает бровь. Ощущение, что сейчас где-то между нами в невидимом поле про-

исходит настоящая битва. Вот он полоснул остриём своих глаз мою кожу, а вот я вонзаю в его грудь кол.

— Приятно познакомиться, Васили...

— Родной, вот ты где! — вдруг раздаётся около столика неизвестный голос.

Но мне даже оборачиваться не нужно, чтобы понять, кто это может быть. Тяну губы в улыбку, пряча руки, чтобы не показать, как на самом деле меня трясёт.

— Кажется, вам пора, Марк Викторович. Не смеем больше отвлекать, — елейным голосом озвучиваю и наблюдаю, как он языком проводит по своим верхним зубам, прежде чем опрокинуть бокал в себя и с грохотом оставить его на нашем столе.

Глава 4

Дома я всё-таки юркаю под кипятик, растирая тело мочалкой до красноты. Он почти меня не касался, но я словно ощущаю его руки на своём теле, желая как можно скорее избавиться от этого ощущения.

То, как вальяжно та девушка висла на нём, как целовала его щёку, не стесняясь посторонних взглядов.

Я честно этого не понимаю. Эта излишняя демонстрация, заявка на то, что этот мужчина — её... Это выглядит так дешёво, так пошло и так странно для него. Он никогда не был тем мужчиной, кому нравились такие женщины. Потому что, как минимум, мы были в браке много лет, а я совсем другая.

И пускай конец нашего брака был грязным, болезненным и слишком язвительным по отношению друг к другу, всё же я помню, как оно было до. Я помню каждое слово любви, каждый поступок в мою сторону. А ведь Марк был заботливым мужем, пусть вспыльчивым и даже в какой-то степени несдержанным, но он заботился обо мне.

Он варил мне кофе по утрам, даже когда спешил на работу, он приносил дорожные букеты, когда у него были кризисные моменты в бизнесе. Он был ласков и нежен в постели, когда я хотела этого. А когда между нами кипело, нас рвало на части.

А потом... Мне просто стоило забеременеть, и между нами появилась стена. Преграда немыслимой силы. Мы не справились. Я не простила ему безразличие, а он мне то, что я так легко порвала.

Теперь мы чужие друг другу люди. Четыре года — это приличный срок, чтобы поставить точку окончательно.

И я ведь думала, что точка стоит. И с моей стороны, и с его. Мы не общались, мы не виделись, мы не пересекались даже ни разу за это время.

А сегодня... Почему меня задело его присутствие? Почему я побоялась самой себе признаться в этом? И почему он так много внимания уделял моей персоне, когда рядом была с ним его женщина?

Так не должно быть. Я не хочу терять эту работу, не хочу уходить из центра, когда только собрала таких классных девчонок. Мы стали добиваться успеха, вышли на международный уровень.

Чтобы что? Чтобы моё прошлое всё разрушило? Ненавижу...

Я быю кулаком по смесителю, вода резко обрушивается ледяным потоком, но я даже не чувствую эти струи, что как иглы пронзают нежную кожу. Задираю голову вверх, чтобы поток лил на моё лицо.

И я плачу. Даю себе возможность пролить слёзы, не держать в себе. Лучше сейчас выплакать, чем дать шанс ему довести меня вновь.

Выхожу из душа, плотно укутавшись в махровый халат лавандового цвета. Включаю колонку Алису, прошу её настроить волну для поднятия настроения. Она тут же с первой попытки подбирает нужный трек, а я завариваю себе ароматный чай, который привезла Лена с Кавказа, где была в отпуске.

Только вспоминаю подругу, и она тут же даёт знать о себе.

— Ты ушла на самом интересном месте, Васюш.

— Что у вас там произошло? — усаживаюсь поудобнее на стуле с мягкой обивкой изумрудного оттенка. Я за этими стульями гналась три месяца, и наконец-то купила. Подтягиваю ноги к груди и делаю глоток обжигающего чая, — Неужели Михайлов переусердствовал с конкурсами, и все сбежали с вечеринки?

Вспоминаю с ужасом тот новогодний корпоратив, когда наш коммерческий директор решил, что конкурс «карандаш и бутылочка» очень интересны для тренерского состава.

— Нет, он вообще сегодня какой-то суетной. Стелился перед твоим этим, как красная ковровая дорожка.

— Он не мой, Лен. Не надо, пожалуйста.

— Да, прости, — она виновато вздыхает, — Вырвалось. Буднев, кстати, очень расстроился, что ты в очередной раз дала заднюю. Хороший же мужик, Вась. Детей нет, бывших жён нет. Чист, как белый лист. Бери и лепи.

Рома и правда хороший, но какой-то он... Ох. Не моё просто. Ничего не екает. А может это и к лучшему. Один раз

уже ёкнуло, спасибо, до сих пор шрамы остались.

— Лен, я обязательно займусь личной жизнью, как только почувствую в этом потребность. А пока у меня другие планы.

— Ладно-ладно, всё. Я молчу. Но вообще всё-таки кое-что интересное было... Его баба нажралась так, что он попросил охранника её отнести в подсобное помещение. Как тебе такое, Вась? Это он после тебя вот на такое позарился? Дно.

Я прикрываю глаза. Как же я хочу быть подальше от всего этого.

— Ленусь, я понимаю, что ты хочешь меня поддержать. Но я правда не желаю ничего знать о нём, а уж тем более о его спутнице.

— И зря Васюш, — у неё что-то падает, потому что я слышу звон посуды. Ленка чертыхается, а потом снова продолжает, — Обида обидой, но иногда можно и косточки перемыть. Знаешь, в терапевтических целях, чтобы легче стало.

— А мне станет, Ленок. Как только он исчезнет, словно его и не существовало. Что у тебя там происходит?

— Да ничего, сковородку с котлетами уронила на ногу. Капец, больно жечь.

— Аккуратней, подруга. Тебе сейчас переломы не нужны, скоро отборочные.

— Ладно, пойду приложу лёд. А ты там не грусти, люблю тебя.

Я не успеваю ей сказать, что я тоже, но она тут же отклю-

чается.

Значит... Его женщина решила пойти во все тяжкие... Что ж. Может, это будет для него бумерангом, наказанием за то, что он сделал с нами.

Всё, Вась. Отбрось это всё подальше.

Я только настраиваюсь на музыкальную волну, которую Алиса наколдовала, как мой телефон вновь оживает.

Руки подрагивают, потому что я хоть и удалила этот номер из контактов, но я знаю его наизусть.

СМС короткое, но ёмкое. Заставляет сердце биться чаще, а в голове тут же множество вопросов.

Что надо? Как узнал, где живу? Зачем пришёл сейчас?

«Выйди, пожалуйста. Я внизу».

Тут же бросаюсь к окну, аккуратно отдернув штору. Он стоит у машины, одна рука прячется в кармане брюк, а второй он смахивает пепел на асфальт.

Куришь? Раньше не курил.

Глава 5

Он не смотрит на окна, не выискивает нужные. Он просто одиноко подпирает свою машину. И хоть, его взгляд не направлен на меня, внутри стойкое ощущение, он знает, что сейчас смотрю я.

Снова бросаю взгляд на сообщение. Его тотальная уверенность в том, что я спущусь, буквально бесит. Однако я и не согласиться с ним не могу, потому что это моя карьера и моя налаженная жизнь.

Отхожу от окна, нервно стуча пальцами по столу.

Нет, Леонов. Вот сейчас я не буду сдержанной в выражениях.

Решительно двигаюсь в сторону прихожей и накидываю лёгкую куртку.

Я даже в зеркало не смотрю, потому что мне откровенно всё равно, какой он меня увидит.

Спускаюсь на лифте, нервно дёргая ногой, и круговыми движениями разминаю шею. Привычка ещё с далёкого прошлого, как ритуал перед соревнованиями.

Когда лифт останавливается, а двери разъезжаются, то я ещё несколько секунд просто стою.

А затем, резко вдохнув, уверенно шагаю на выход из подъезда. На улице не реагирую на то, что холодный воздух пробирается к коже под куртку, и не мешкая, иду в его сторону.

Останавливаюсь напротив, наблюдая уже несколько окурков у его ног, и, наконец, смотрю в его глаза.

— Зачем ты здесь? — вглядываюсь в невозмутимое лицо в поисках ответов.

— Из всех клубов города... — начинает он, прищуривая глаза: — Я купил именно тот, в котором работаешь ты.

Усмешка на его лице выглядит горькой.

— Вероятно, это должны были быть мои слова, Леонов, — даю такую же реакцию: — Ведь четыре года...

— Не кажется, что это совпадение — неслучайно?! — отталкивается он от машины, вставая ближе ко мне.

Машинально делаю шаг назад.

— Нет, — чётко проговариваю: — Потому что мы окончательно умерли друг для друга четыре года назад. Сейчас, если ты не растерял свои навыки бизнесмена, о которых я когда-то знала, то ты даже и не будешь замечать то, что мы работаем в одном учреждении.

Спокойно рассуждаю, давая ему понять, что необязательно, а точнее, абсолютно не нужно даже общаться.

— Полагаю, и коллегам не стоит знать о нашем забытом совместном прошлом.

Он вдруг хрипло посмеивается и достаёт пачку парламента из кармана. Выуживает двумя пальцами сигарету, прикуривает, при этом качая головой, будто я сказала что-то не то.

— Это к тому коротышке накачанному относится, да?! — выдувая дым, цедит он недовольным тоном.

Тяну губы в искусственной улыбке.

— А это, Марк, тебя не касается.

Он кивает прищуриваясь. И снова выпускает струю дыма в небо.

— Это ты, значит, с ним решилась на усыновление, так?!

— мгновенно становится тяжело дышать, и я хватаюсь за горло, растирая его.

Не должна показывать реакцию. Но его взгляд, который сейчас смотрит с настоящей ненавистью или презрением, буквально вытаскивает мои эмоции наружу.

— О чём ты? — спрашиваю, стараясь взять себя в руки.

Как, чёрт возьми, он узнал?!

— Не прикидывайся душой, Васенька, — тянет он ехидно:

— Пташки напели. Да и тебе ли не знать, что я всегда осведомлен больше, чем может казаться...

Ага, осведомленный тоже мне нашёлся. Знает он, тогда бы и про Буднева знал.

Так и хочется ткнуть его упрямый подбородок в это, но я, сцепив руки на груди, киваю, мол, верю в его слова.

Пусть чувствует свою важность. Пусть считает себя королём. Мне плевать.

— Мои дела тебя уже очень давно не касаются, — наконец, моя способность говорить возвращается: -- Мы больше не связаны друг с другом.

— Правда?! — вновь он наступает на меня: — Когда ты одна решила завести ребёнка, помнишь? Тогда тоже не ка-

сались?! — зло рычит он мне в лицо.

Качаю головой. Судорожно мотаю ей из стороны в сторону.

— Не надо, Марк. Не надо! — сглатываю отсутствующую слюну в пересохшем горле и пытаюсь дать понять, что сейчас это минное поле взорвётся к чертям собачьим.

Он издаёт недовольный рык, и отвернувшись, оставляет удар на двери своей машины.

— Твою мать, Василиса! — орёт он, а я всхлипываю.

Сейчас он делает вид, будто ему есть дело, будто ему всё это важно. А меня вмиг будто кидают в то время четыре года назад.

— *Марк, скажи хоть что-нибудь...* — реву, глядя на мужа: — *Почему ты молчишь, почему тебе всё равно? Почему...* — шепчу, теряя голос.

Во мне уже просто не осталось сил. Я не знаю, как повлиять на него. Как включить его эмоции. Как ещё дать понять, что сейчас он мне очень нужен. Как никогда. Что его поддержка и участие единственное, что поможет мне удержаться на плаву и не потонуть.

— *У меня встреча, Василиса,* — сухо чеканит, забирая свою папку с документами.

Затем будто робот, механически подходит ко мне, оставляет равнодушное касание жёстких губ на моём лбу и молча выходит из квартиры.

Сползаю по стене, пытаясь удержать рвущиеся навзрыд

слёзы. Но в этот момент слышу, что где-то в стороне кухни пиликает телефон.

И это абсолютно точно не мой.

Звук отвлекает от боли, и раз он забыл, он сейчас вернётся. Может быть, мне удастся получить хоть толику тепла с его стороны.

Я не спорю, каждый переживает горе, как умеет. Но если вы одной фамилии, если вы поклялись быть вместе, невзирая на беды, то вы должны лишь крепче взяться за руки. Разве, нет?

А у нас наоборот. Мы стали так далеки, как не были никогда. А между тем, за спиной пятнадцать лет брака.

Шаркающими шагами иду в сторону кухни. Нахожу его телефон, стирая пелену из слёз в глазах, и замечаю уведомление, которое горит на экране.

Некая Эльвира пишет моему мужу, что всё в силе, и она с нетерпением ждёт его в назначенное время.

Первая мысль — ну и ладно ведь, да? Потому что мало ли это...коллега.

С силой зажимаю глаза, дабы развидеть сообщение. Но конечно же, ни черта не выходит.

Пытаюсь открыть сообщение, чтобы увидеть всю переписку. Только у меня ничего не выходит, на телефоне мужа стоит пароль. Ввожу нашу дату, потому что это единственный пароль, который он когда-либо устанавливал за все время нашей совместной жизни. Но и здесь тщетно.

Он не подходит.

В голове проносятся самые ужасные сценарии, хотя Марк никогда не имел от меня секретов. По крайней мере, мне так казалось.

Выныриваю из воспоминаний, глядя на него спустя четыре года, и готова себя отругать за то, что столь эмоционально реагирую и вновь проваливаюсь в ту бездну боли.

Он не стóит того. Как и наша история, она изжила себя и больше не должна тревожить мою душу.

— Тебе незачем было приходить, — в итоге, твёрдо озвучиваю я ему: — Уходи. И Марк, больше не нужно. Ты живёшь своей жизнью, в которую я не лезу. А ты соизволь не лезть и максимально дистанцироваться от моей, даже если мы останемся работать в одном центре.

Дорогие читатели! ♥️#

До следующей главы предлагаем вам окунуться в одну из историй нашего литмоба «Пепел измен»!

<https://litnet.com/shrt/9OtI>

Глава 6

— Давыдов сегодня опять беснует, — я даже не успеваю зайти в центр, как Ленка тут же меня перехватывает за руку и тащит в столовую.

У нас с ней сложилась довольно милая традиция. Мы приходим пораньше перед всеми тренировками и пьём кофе, поедая вкусную выпечку, которую приносим по очереди.

Обычно, так мы настраиваемся на новый рабочий день и обсуждаем какие-то женские сплетни.

Сегодня моя очередь приносить сладенькое, но из-за вчерашнего приезда бывшего мужа, я сегодня совершенно сбита с толку. И конечно же, забыла заскочить в булочную.

Об этом сразу же уведомляю подругу, притормозив у входа в столовую.

— Васюш, ты бы мне позвонила, я бы примчалась к тебе сразу. Побыла бы рядом. А ты всё одна пытаешься прожить тяжёлые моменты... Так же нельзя.

Она успокаивающе поглаживает меня за плечо, даже как-то по-матерински убаюкивает голосом. Она права, я привыкла со всем справляться сама, хотя так было не всегда.

Раньше я могла во всём положиться на Марка, могла прийти за любым советом, попросить о помощи. И ведь он всегда мчался по первому зову, говорил, что я его маленькая любимая девочка.

Потом эта маленькая любимая девочка забеременела и, видимо, перестала быть таковой. Любое воспоминание о том периоде даёт зажившим ранам снова кровоточить, поэтому я стараюсь не думать... Хотя это и тяжело.

— Я почти сразу вырубилась, — пожимаю плечами, улыбаясь краешками губ, — Не переживай, Ленок. Правда. Всё хорошо. Ему скоро наскучит.

Я действительно в это верю. Что ему наскучит и он отстанет. У него уже давно другая женщина, с которой ему должно быть хорошо. Поэтому я просто надеюсь, что это было помутнение рассудка и толика ностальгии. Не больше.

— Как твоя нога? — тут же перевожу тему.

Мы все же заходим в столовую. Можно ведь и без сладкого попить кофе.

Лена берёт себе капучино, а я американо с холодным молоком. Нам везёт, потому что в столовой кто-то оставил десерты со вчерашнего мероприятия. Ленка вооружает на тарелку тарталетки с клубникой и сливочным кремом, с чуть отломанным по краям тестом. А я кладу два маленьких эклера и остаток чизкейка.

Мы садимся за наш любимый столик у окна, где видна парковка. Я тут же замечаю его машину, припаркованную у левого края.

Значит, уже здесь... Это плохо.

Я надеялась, что он не будет частым гостем в нашем центре. Деньги вложил и уехал. Но нет же. Он почему-то в во-

семь утра уже на месте.

Отгоняю от себя любимые мысли о нём. Мало ли... Что у него там за дела. Меня это не волнует.

— На ноге синяк, — Ленка хмурится, погружая чайную ложечку в клубничную начинку. Крупная ягода сочится, отчего в ноздри бьёт сладкий аромат. Рот тут же наполняется слюной, и я, повторяя за подругой, тоже пробую лакомство.

— Ну как так, дорогая? — качаю головой, — Давай зайдём в медпункт. Тебе там заморозку хотя бы поставят.

— Да ладно, — машет рукой, — Само пройдёт. Не впервой же.

И то, правда. Мы, как тренеры, тоже не бережём себя. Бывает, что боишься своих подопечных, и случайно можешь ногу подвернуть или потянуть мышцу.

Так что не только спортсмены подвержены травмам. Тренеры тоже.

— А что там с Давыдовым-то?

Давыдов — неприятный тип. Весь тренерский состав его не любит, но терпят. Он брюзга, не выбирает выражения, да и вообще особо нелюдимый человек. Но спортсмены у него занимают первые места. Почти всегда.

Он высококлассный тренер, у которого лучшие результаты. Поэтому, разумеется, жаловаться бесполезно на хамское обращение. Его никто не уволит.

— Наехал на меня, мол, я не так свою машину припарковала, — Лена тут же начинает закипать, — Понимаешь ли, я

могла задеть его ласточку. Ну не задела же, Вася!

Ленка очень эмоционально начинает размахивать руками.

— Он меня, как малолетку стоял и отчитывал минут десять. Идиот... Я просто не могу. У него вообще бывает хорошее настроение? Бедные его ребята.

Я пожимаю плечами. Ответа на её вполне себе риторический вопрос у меня нет. Я никогда не видела его в хорошем настроении.

— Забудь, — похлопываю её по ладони, — Ты же понимаешь. Дело не в тебе.

Лена супится, но успокаивается. Потому что мы обе знаем, сколько ни обсуждай, а ничего не изменится.

Я доедаю свой маленький кусочек чизкейка, который идеально ложится в полупустой желудок, завершая утренний завтрак.

Мои красавицы придут через двадцать минут, пока переоденутся, у меня в запасе полчаса. Нужно ещё раз просмотреть все записи, прогнать программы в голове. Сегодня будет отработка.

Я встаю с места, иду к мусорному баку и выкидываю пустую картонную тарелку.

Дверь в столовую резко распахивается, я даже не обращаю внимание на вошедшего, потому что тренерский состав потихоньку приходит на работу.

И взгляд странный тоже не замечаю, пока не делаю шаг в сторону, попадая в кольцо рук. Знакомых, сильных, тёплых

рук.

От испуга отшатываюсь, поднимаю голову вверх, встречаюсь глазами с изучающим и слегка насмешливым взглядом.

Я словно в западне. Марк смотрит внимательно, руки от моего тела не убирает, жая и оставляя ожоги.

Больно.

Сердце тут же кровоточит, напоминая о прошлом. Я сглаживаю вязкую слюну, прежде чем сказать ему хоть что-то, но он опережает.

— Что, Вась? — изгибает бровь, — Подумала о нашем разговоре?

И своим вопросом сбивает меня с ног. Словно делает нокдаун прямо в сердце.

Я вообще не думала, как минимум, это и разговором не назвать. Как максимум, мы все решили тогда.

Зачем же он так со мной? Мстит? Тогда за что... Я ведь сразу его отпустила к другой. Ушла спокойно, без истерик и скандалов.

Не понимаю...

Глава 44

— Василиса Дмитриевна, вы простите меня, что я так поздно вам звоню и не по протоколу. Просто хочу, чтобы вы знали. Пришли анализы биоматериала, который вы сдавали с вашим спутником, — Клара Абрамовна делает шумный выдох прямо в трубку, как будто сама боится выговорить результат.

Я, пользуясь этой мимолётной паузой, сажусь на край кровати. Простыня под ладонями холодная, влажная от пота, а пальцы всё равно дрожат, будто их бьёт током. Сердце толкается в рёбра так, что в горле встаёт ком. Ожидание — как приговор: к виску медленно подводят дуло пистолета. Холод металла будто проступает сквозь кожу, пот стекает по спине липкими струйками, и всё, что остаётся — ждать нажатия на курок.

— Всё плохо, да? — губы едва слушаются, голос предательски срывается.

— Нет, не то чтобы плохо, — врач пытается сгладить, но каждое слово хлещет, как плеть, — Совместимость крайне маленькая. Вы, конечно, можете пробовать, это даже приветствуется... но лучше продолжать поиски более совместимого с вами партнёра. Понимаю, что звучит немного кощунственно, но такова наша жизнь. Если ваша конечная цель ребёнок, нужно испробовать все пути. Я всё равно отправила

запрос в донорский банк спермы... Но напоминаю: в вашем случае лучше пробовать естественным путём.

— Да-да, я помню, — мой голос звучит так, словно идёт издалека, глухо, сквозь вату. — Спасибо, что позвонили. Для меня очень важна своевременная реакция.

Трубка щёлкает. Тишина накрывает комнату вязким одеялом. Я вслушиваюсь в собственное дыхание: короткие, рваные вдохи, как будто воздух не до конца наполняет лёгкие. Но странное дело — слёзы не катятся, истерики нет, вместо привычного разочарования внутри расправляется какой-то облегчённый выдох.

Словно это было неизбежно.

Словно где-то глубоко я уже знала ответ.

Мысль об интиме с другим мужчиной обжигает изнутри — чужая кожа, чужие руки, чужой запах... это кажется предательством на уровне крови.

Рома — да, он классный мужик, надёжный, справедливый. Но я не хочу превращать его сердце в рану, оставлять рубец, который никогда не заживёт. Эта мысль режет острее любого диагноза.

Я всё ещё не решила, пойду ли я на встречу с Марком. Да и нужно ли это?

Но с другой стороны... сегодня мы впервые за много лет говорили так, как будто сорвали с себя все маски. Открыто, до дрожи, до боли в груди, до голых нервов. Будто стояли перед друг другом не телами, а душами. Признались в том,

что раньше казалось самой страшной тайной.

И это было жутко. Но одновременно... странно спокойно.

Легче и правда стало. Не так, чтобы снова ожить, но дышать определённо проще. Будто внутри кто-то распахнул окно, и лёгкие впервые за долгое время наполнились воздухом. Даже плечи опустились, будто с них сняли груз, который я таскала на себе годами.

Марк так уверенно, так прямо, так честно говорил о том, что не спал с Элей... что я, черт возьми, и правда в это поверила.

Дура? Наверное, да.

Но я не видела ни одной счастливой умной женщины. Зато встречала десятки счастливых дур, которые выбирали верить, а не ковырять правду до крови.

Каждый выбирает, что ему ближе. И если мне сейчас ближе думать, что физической измены не было, значит, моя нервная система так пытается вытащить меня из трясины. Значит, мне нужно именно это.

Надевая лёгкий серый спортивный костюм, чувствую приятную прохладу ткани на коже. Под кофту с замком — белая майка, плотно облегающая тело. Волосы стягиваю в высокий хвост, густой и тяжёлый, словно это не просто причёска, а якорь, собирающий мои мысли в порядок. На ресницы чуть туши, и взгляд сразу становится открытым, ярче. На губах прозрачный блеск, будто маленький штрих, позволяющий почувствовать себя живой.

Перед встречей с Марком захожу в комнату к своим девочкам. Они облепили кровать Мальтюшенко, хохочут и рисуют её гипс разноцветными маркерами: цветы, солнца, какие-то смешные зверята. Их смех звенит, как колокольчики, и я ловлю себя на том, что сердце теплеет. Перед сном я говорю девочкам напутствие — строгим голосом, но мягко глажу по головам. Обещаю, что всё будет хорошо. Что они у меня самые настоящие герои, и золотых медалей в их будущем будет хоть целая коллекция.

Я знаю, что часто бываю слишком строгой, холодной... Но вот такие моменты напоминают мне: я могу быть и мягкой. Могу быть не только кнутом, но и сладким румяным пряником, от которого хочется улыбнуться.

На парковке уже ждёт Марк. Его силуэт выделяется в свете редких фонарей: руки привычно спрятаны в карманы чёрных спортивных брюк. Он кажется расслабленным, но взгляд всё время блуждает, как будто он ищет меня в полумраке. Стоит мне подойти ближе, и он ловит меня глазами, улыбается так, что внутри что-то дрожит. Мы осматриваем друг друга с ног до головы, и на секунду я понимаю: выйдем как парочка в одинаковых костюмах. И от этой мысли становится одновременно неловко и тепло.

— Погуляем, Вася? — его голос низкий, хриловатый, и я слышу, что это не вопрос, а приглашение. — Перед сном полезно свежим воздухом подышать.

Он подставляет локоть, и я принимаю этот жест с благо-

дарностью. Его рука тёплая, крепкая, уверенная. Мы идём рядом, не обсуждаем, куда и зачем.

Просто шаг за шагом бредём по почти пустынному городу, который чужой нам обоим, и именно это делает его безопасным: будто прошлое остаётся позади, а впереди только мы и этот вечер.

Словно этих лет разлуки и не было.

— Расскажи мне, Вась, что у тебя с ним? — Марк смотрит вперёд, но голос его тихий, ровный. — Без упрёков, без криков... Просто поделись. У вас серьёзно?

Глава 7

— Что ты делаешь?!

Пытаюсь освободиться, а тело рябью будто идёт, как разводы на воде. И почему-то, мне кажется, он чувствует.

Смотрит жадно, даже, не обращая внимания на то, что вокруг становится всё больше людей.

— Отпусти, — касаюсь его кожи и цежу сквозь зубы.

Марк, наконец, кивает, но вместо этого хватает меня за ладонь и тащит из столовой. Посылаю взгляд на Лену, которая сидит с открытым ртом, а сама медленно, но верно закипаю.

Безропотно молчать я не стану, кем бы он там ни был. И реагировать тоже не буду. То, что в душе — останется там. Боль, с которой я смирилась и живу. Та потеря, от которой меня не спасёт ничего, потому что ежесекундно я помню о ней. Ведь тогда я лишилась буквально всего.

— Вчерашний разговор по твоей инициативе — не имеет смысла и бесполезен, — начинаю, выдернув руку, как только мы сворачиваем за угол от столовой: — И сегодняшний финт, — указываю рукой в сторону столовой: — Это абсолютно неуместно и более того, противно! Соблюдай субординацию и забудь о том, что когда-то мы были женаты!

Тычу в него пальцем, высказывая то, что думаю. Я чувствую внутри эту разрушительную злость. Мне не хочется

испытывать таких эмоций, но чёрт, это сильнее меня. Меня даже трясёт, но не от адреналина, а от желания ткнуть этого человека, сбить эту наглую надменную спесь.

И мне удаётся, я ведь помню эти глаза в момент его подни-
мающегося негодования. Вот и сейчас они слегка темнеют,
становясь более синими. Щурятся, демонстрируя морщины
на его лице, а его пальцы медленно и красноречиво почёсы-
вают отросшую щетину, которую он раньше не носил.

— Поэтому не нужно меня спрашивать, я не хочу ни ду-
мать, ни знать тебя, Леонов! И если ты продолжишь...

— Хватит! — резко он перебивает, хватая меня за талию и
убирая руку, которой я в него тычу за спину: — Ты слишком
много говоришь и позволяешь себе, Василёк.

От его высокомерия у меня даже воздуха в лёгких не хва-
тает.

— Хватит. Меня. Трогать. — цежу я вновь сквозь зубы.

Он смотрит на меня, крепче сжимая запястье и талию.
Причиняя боль и зная это. Как и тогда, бесконечные пере-
писки и имена в телефонной книжке, полночные уходы, а я
одна наедине со своим горем. Он отчётливо понимал, что
делал. Однако нещадно мстил, потому что ребёнок стал для
меня важнее него.

Смотрим друг на друга, не моргая. Напряжение вокруг и
во мне только усиливается. Будто кто-то намеренно поддаёт,
как пар в бане.

И теперь, он видит, что я не сдамся. Теперь я не буду той

молчаливой неживой куклой в его жизни.

Я другая. И он больше мне не нужен.

— Вась? — слышу голос Буднева и прищуриваюсь, глядя на Марка.

— Давай, покажи своё правление в первый день, — замечаю я с расплзающейся ухмылкой: — Чтобы никто тебя здесь даже за человека не считал...

Леонов цокает, качая головой, и облизывает свои губы.

— Угрожаешь? Ты — мне? — выдаёт со скепсисом, наконец, резко отпуская меня.

Тру запястье, пытаюсь убрать красноту и спрятать её за рукавом, но ничего не отвечаю.

— Доброе утро, Ром, — вместо этого говорю, приветствуя коллегу: — Ты как раз вовремя, Марк Викторович очень хотел сегодня понаблюдать за работой тренерского состава...

Я говорю это всё уверенно и с вызовом, не сводя взгляда с Леонова. А он тем временем, засунув руки в карманы, стоит, ухмыляясь.

— Вы правы, Василиса Дмитриевна, — тянет он в ответ: — Будете первой в списке...

И после, резко развернувшись на пятках, он уходит прочь, а Буднев в замешательстве останавливается рядом со мной.

Смотрю вслед бывшему и только сейчас понимаю, что всё это время толком и не дышала. А ещё понимаю одну вещь: он не даст спокойной жизни. По крайней мере, пока снова не увидит, как ломает меня, он не успокоится.

Прикрываю глаза, пытаюсь не нагнетать ещё больше и, главное, не думать об этом.

— Василис, — Роман встаёт напротив: — Он к тебе пристаёт? — с шоком в глазах он спрашивает.

Смотрю на Рому и осознаю, что рано или поздно узнают все. Но пока, вскрывать эту чёртову правду я не намерена.

— Нет, это, видимо, обоюдная неприязнь на интуитивном уровне, — объясняю ему, играя бровями.

Роман хмурится, но вопросов больше не задаёт, за что огромное спасибо. А я натягиваю олимпийку на пальцы и пытаюсь согреться, потому что с момента появления этого человека из прошлого мне хронически холодно.

Дорогие читатели!

Рекомендуем вам еще одну новинку нашего литмоба «Пепел измен»!

<https://litnet.com/shrt/9l9u>

Глава 45. Марк

С ней, как и раньше хорошо. Спокойно. Она ведь и не переставала быть родной.

Пауза после моего вопроса затягивается, а Вася так и молчит.

Кладу свою ладонь на её, обращая на себя внимание.

— Обещаю, что буду молчать, — говорю тихо, стараясь не спугнуть эту иллюзорную идиллию между нами.

Кто-то, кто пройдёт мимо, наверняка подумает, что между нами полное понимание, тихое счастье и любовь. И только если копнуть куда-то вглубь вылезет всё то дерьмо, что случилось в нашей жизни.

— Марк, давай выберем нейтральную тему, — просит она, переводя свои глаза на меня.

— Я хочу знать всё, даже то, что причинит боль. Потому что сейчас мне кажется, что кроме неё я ничего не достоин, — озвучиваю ей собственные мысли, а она тяжело вздыхает.

— Я бы хотела, чтобы в моей жизни было такое плечо, как Рома, — оглушительно громкий выстрел в мою грудь, но я пытаюсь стойко выдержать его: — Потому что ты уверен в завтрашнем дне рядом с ним, потому что ты защищён и знаешь, этот человек не бросит тебя в ответственный момент. Ты не подумай, это не камень в твой огород, — моментально оправдывается она: — Это теперь мой страх. И именно Рома

тот человек, который закрывает его.

Пальцы сильнее сжимают её холодную ладонь, и я киваю. Другая рука в кармане в кулаке с того самого момента, как Василиса начала говорить.

— Я рад, что у тебя есть такой человек, — прокашливаюсь я: — И отчаянно жалею, что им не смог стать я.

Вася отворачивается и устремляет взгляд куда-то вдаль.

— Ты им был, Леонов, — с ностальгической и горькой улыбкой возвращает на меня свои глаза: — Может быть, для кого-то у тебя вновь получится им стать...

И хочется кричать ей в ответ, что мне не хочется для кого-то! Громко с надрывом доказывать, что я смогу быть им для неё. Но я обещал себе, ей, высшим силам, что успокоюсь. Сделаю всё, что в моих силах, но не нахрапом и силой.

— Ты уже ездила в дом малютки? — перевожу тему, потому что самому слышать и говорить об этом тошно.

— Я...

Вася на несколько секунд задумывается, а мы, тем временем, прогуливаемся по небольшой аллее. Шелест деревьев словно убаюкивает, добавляя моменту и интимности, и в то же время спокойствия. До места, в которое я её веду, остаётся совсем немного. И я очень надеюсь, что Василиса поймёт и не отвергнет то, чего я хочу.

— Есть один доктор, — начинает она вдруг тихо и настойчиво: — Она считает, что у меня есть шанс...

Я даже останавливаюсь, а от новости дух захватывает.

Бесконтрольно поддаваясь порыву, беру её за плечи, а на губах расплывается улыбка. Впервые за долгое время естественная, искренняя и даже счастливая.

— Васька! — смотрю в её глаза: — Это же охрененно! — от эмоций даже глаза щиплет, потому что я знаю, что это для неё значит: — Чёрт! Я так рад!

Обнимаю её на эмоциях, и только потом соображаю.

— Прости... Я, это неожиданно и...

— Есть некие сложности, — немного тоскливо озвучивает она: — Но да, врач очень опытная и рьяно взялась за мой случай...

— Я правда рад, и верю, что всё получится...

Говорю чистую правду. И хотелось бы мне, чтобы рядом с ней в этот момент был я. Наконец, стал бы отцом, и, может быть, искупил вину за то, что оставил её с болью, отпустил и не был тем самым плечом, которое ей так необходимо.

— Поживём, увидим, — как-то грустно озвучивает она.

Идём дальше, и между нами воцаряется глубокая тишина. Я думаю о том, какую жизнь просрал. О чём думает Василиса, не знаю, но и не лезу сейчас с расспросами.

— Куда мы идём? — нарушает тишину она спустя несколько минут.

— Я решил, что мы кое-что не сделали... — туманно замечаю, и в момент, когда садовые светильники по бокам аллеи загораются, вдалеке в конце она видит небольшой освещённый пруд.

По глазам женщины понимаю, что картинка ей нравится. И рад, что выбрал именно это место, а не повёз куда-то. Из кармана брюк достаю сложенный пакет. А когда доходим до пруда, раскрываю его.

— Мы будем запускать воздушного змея? — улыбается с неверием Василиса.

Сглатываю ком в горле, потому что это показалось мне правильным, и только после заминки отвечаю.

— Мы с тобой не прощались с нашим сыном... — хриплю ей в ответ, на что она всматривается в мои глаза, и я буквально вижу, как наливаются слезами её взгляд.

— Марк...

Шёпот, который срывается с её губ, заставляет меня попытаться улыбнуться. Но боль, словно сжатый кулак в груди не даёт этого.

— Мы не проводили его, как родители. Мы оба ушли в свою боль и не смогли достойно справиться с этим, — достаю разноцветного змея из пакета, а Василиса тихо шмыгает носом.

— Да, — шепчет она, поджимая губы: — Это отличная идея, Марк.

Она кладёт свою ледяную руку на мою, и мы вместеправляем бумагу. А спустя пять минут мы уже управляем ею в небе и наблюдаем за тем, как ветер колышет воздушного змея. И мы оба, не стесняясь бегущих безмолвных слёз, говорим про себя нашему неродившемуся малышу «до встре-

чи».

— Спасибо тебе за это мгновение, Марк. — голос Василисы - единственное, что нарушает эту гнетущую тишину между нами.

Глава 8. Марк

— Как долго будет проходить реализация проекта?

Отвожу глаза от широкого стекла, за которым виден холл и снующие туда-сюда по нему люди. В теле усталость, голова гудит, а работы впереди уйма. Нужно как-то собраться, взять себя в руки и вернуться к рабочим вопросам, но не получается.

Из-за неё не получается. Она словно обнажает все мои скверные черты характера, которые другим людям не видны. Она действует на меня, как спусковой крючок. Стоит задеть — и меня уже несёт. Не остановить.

На кой чёрт я цепляюсь к ней? Почему хочу задеть побольнее?

Ответы есть. Но те, в которых самому себе признаться страшно.

Не отпустил её. За эти четыре года ничего не отболело и не прошло. Есть тип отношений, когда вы рядом, вам спокойно, хорошо и уютно. Нет страсти, нет бури, нет ничего, что могло бы тебя держать рядом, но ты держишься. А если приходит время расставаться, ты просто молча уходишь.

С Василисой было всё совсем не так... Молча ушла она, когда я даже не осознал, что мы больше никто друг другу. Она держала меня в игноре, избегала, демонстрировала неприязнь. Делала всё, чтобы я возненавидел эту хрупкую

фигуру, эти тонкие запястья, эту шелковистую кожу...

И я правда убеждал себя в том, что даже после стольких лет брака, возможно, не по пути.

И стоило увидеть её, как все мои убеждения рассыпались... Я захотел вновь коснуться её, увидеть пусть и гнев, но хоть какие-то эмоции в её глазах.

Почему она так легко отказалась от нас? Из-за ребёнка, который так и не родился? Или из-за моей слабости?

Я, блядь, не понимаю...

— Марк Викторович, — коммерческий директор вытаскивает меня из пучины болезненных размышлений. Я поднимаю голову, откладывая бумаги в сторону, и внимательно смотрю на мужчину перед собой, — Давайте возьмём фигурально месяцев шесть, но постараемся уложиться за четыре.

— Меня это не устраивает, — качаю голову, нервно постукивая пальцами по деревянному столу, — Я не люблю, когда мне что-то обещают просто на словах. Деньги вложен немаленькие, поэтому в течение недели я хочу увидеть конкретный план, где будут расписаны все этапы реализации с конкретными сроками и подрядчиками.

Коммерческий директор начинает нервно бегать глазами по помещению, избегая зрительного контакта. Достает из нагрудного кармана пиджака носовой платок и вытирает им шею, на которой появились испарины пота.

Я хорошо понимаю язык тела, хорошо вижу, где и как меня хотят нае... Обмануть. Поэтому эти все фразочки по типу

«фигурально» вызывают лишь тошноту и неприязнь.

Я привык работать так, чтобы совесть была чиста. Если другие не умеют, то нам просто не по пути.

— Недели может не хватить... — отвечает уклончиво.

Я встаю со стула, глухо ударяя ладонью по столу. Подхожу к тому большому стеклу, за которым кипит жизнь, а у меня ощущение, словно я в аквариуме, как рыба бьюсь об стекло.

Дети, тренеры, родители суетятся, активно жестикулируют. Они все живые, их жизнь не на паузе.

— Я уверен, вы справитесь, — говорю таким тоном, чтобы собеседник понял, что предмета для спора здесь нет. Это окончательное решение.

Слышу его пыхтение за спиной, как он нервно начинает перебирать бумаги, но на уступки не иду. Не в моём стиле.

Уже хочу отойти от стекла, как мельком замечаю знакомую фигуру. Василёк в тёмно-синем спортивном костюме идёт вдоль холла, собрана, спина прямая, походка уверенная. Она никого не замечает вокруг, полностью погруженная в свои мысли, а я провожаю взглядом каждый её шаг, не желая отрываться от точёной, идеальной, по моим меркам, фигуры.

— Я бы хотел уточнить по тренерскому составу, — не обращившись, говорю.

Прячу руки в карманах брюк, замечая, как тот коренастый мужик ловит на пути Васю. Она не ожидает его, но мило улыбается, обнажая ровные зубы.

Стискиваю руки в кулаки, отчего ткань брюк натягивает-

ся. Челюсти сводит.

Ревность есть, всегда была. И четыре года никак не помогли с ней справиться.

— Вас кто-то не устраивает, Марк Викторович? Мы тщательно отбирали каждого, все большие профессионалы, нареканий и претензий нет...

— Нет, — туманно отвечаю, потому что мой взгляд тут же цепляется за движение рукой Романа... Как его там?

Он приподнимает руку в районе её талии, аккуратно кладёт ладонь на поясницу, где виден оголённый участок кожи. Я тут же представляю, как его кости хрустят от удара. Хочется крикнуть с высоты, чтобы он убрал руки, чтобы не трогал её, чтобы не смотрел в её сторону.

Но я же прекрасно вижу, как Вася избегает своего прошлого. Как она делает вид, что мы не знакомы. И пока я ей подыгрываю. Пока...

— Меня интересует Василиса Гончарова, — девичья фамилия ей не идёт. С моей она смотрелась куда лучше.

— Она вас как-то обидела? — брови коммерческого директора удивлённо взлетают вверх, — Прекрасная женщина, очень сдержанная. Дети её любят, родители обожают. Проблем с ней никогда не было.

— Нет, не обидела. Напротив. Заинтересовала.

Его губы приобретают форму буквы «о».

— Не могу сказать, что я в курсе её личной жизни. Но она точно в хороших отношениях с Будневым и её лучшая

подруга Елена тоже работает у нас тренером по акробатике. На этом всё, Марк Викторович.

— Это я и так знаю, — а чего я собственно ожидал?

Вася не из тех, кто демонстрирует свою личную жизнь. Она точно не будет трепаться о том, что у нее происходит.

Но я знаю, что она хочет усыновить ребёнка. И это ещё одна из причин, почему я здесь.

Кажется, нет... Не кажется. Мы не закрыли с ней вопрос с ребёнком. Это то, что нас разрушило.

Теперь нам нужно ещё раз обсудить. Может, мы в прошлый раз не так друг друга поняли.

Глава 46

— Ты замерзла, — замечает Марк.

Я ежусь от холода, проводя ладонями вниз по плечам, будто пытаюсь согреть себя собственным теплом. Действительно стало прохладнее, да и усталость навалилась со всей силой. Сейчас бы рухнуть в тёплую кровать, укутаться в одеяло и, наконец, уснуть без снов, после всего того, что пришлось пережить сегодня.

Марк стягивает с себя кофту и молча протягивает её мне. Он остаётся в одной футболке, а ветер как раз поднимается, свистит где-то в листве, пробираясь под кожу ледяными иглами.

— Нет, — качаю головой, — Надень. У тебя опять ангина будет... Ты же знаешь.

Я вспоминаю, как часто раньше он простужался. Всегда одна и та же история: жар, таблетки, его ворчание и моя забота, которая тогда казалась такой естественной.

— Если у меня появится шанс, что ты будешь вновь моим доктором, то я готов, — Марк шутит, уголки его губ дрожат, и на миг мне удаётся улыбнуться в ответ.

Но кофту я всё равно не принимаю. Геройство бывает разным, и вот такие поступки — не из тех, что я поддерживаю. Не нужно жертвовать собой, чтобы доказать что-то другому.

Многие женщины, наверное, покрутили бы пальцем у вис-

ка и сказали: "Мужики должны горы сворачивать ради женщины". Может, и должны. Но Марк когда-то эти горы действительно свернул. Только счастья от этого не было ни ему, ни мне.

— Врач считает, что я смогу зачать ребёнка сама, — слова вырываются неожиданно даже для меня самой. Я никогда не планировала говорить об этом с ним. Но слишком много лет я делилась с Марком всем сокровенным и важным, а потом он исчез из моей жизни. И всю боль, всю пустоту пришлось нести самой. Сейчас же во мне рождается странное, острое желание выговориться. — Она против ЭКО. Хочет, чтобы я сама... всё сделала. Естественным путём.

— Ясно, — тихо отзывается он. Голос глухой, сдержанный. Но я и без слов знаю, о чём он думает. Чувствую его мысли, как когда-то раньше. И он их озвучивает: — Ты уже пробовала?

Мы замираем. Станный разговор. Наверное, ненормальный. Вряд ли нормально обсуждать такое с бывшим мужем. Но мир и сам давно сошёл с ума. И искать в нём правильные границы бессмысленно.

— Мы пытались с Ромой, — признаюсь наконец, — Но ничего не вышло. Нам пришлось остановиться.

— Почему, Вася? — его шёпот почти не слышен, но он пронзает меня насквозь. Я даже не смотрю на него, и так ощущаю, как каждая мышца Марка напряжена, как он весь собран, будто зверь, готовый к прыжку.

— Мой рот сказал ужасную вещь... — глотаю воздух, слова рвутся сквозь комок в горле. — Я назвала его твоим именем.

Я готовлюсь к любому взрыву: гнев, боль, упрёк. Но не к этому.

Марк вдруг заливается хриплым смехом. Смеётся громко, безудержно, так что его голос режет тишину. Ложится на спину, закидывает руки за голову и продолжает смеяться, не в силах остановиться.

— Я что-то смешное сказала? — я оборачиваюсь, в груди всё сжимается от его реакции. Но понимаю: это не веселье. Это истерика. Его собственная, мужская, жгучая и болезненная.

— Эй, хватит! Слышишь?! — поднимаю руку и слегка бью его в живот, пытаюсь прервать этот ржач, который ранит меня.

Но он перехватывает мою руку, потом вторую. Одним рывком притягивает к себе, и я оказываюсь лежащей сверху. Его смех резко обрывается.

Внезапная тишина давит. Моё сердце сбивается с ритма, пропуская удар, и я ощущаю, как весь воздух будто застрял где-то между нами.

А Марк внимательно смотрит мне в глаза. Слишком близко. Слишком пронзительно. И этот взгляд будто тянет из меня душу наружу.

— Люблю тебя, Васька, — он убирает выпавшую прядь

волос за ухо, медленно, будто нарочно продлевая этот миг, и подушечками пальцев скользит по щеке.

От его прикосновения табун мурашек бешено пробегает по спине, и я вздрагиваю, не в силах совладать с телом.

— Не нужно...

— Нет, не закрывайся, маленькая, — голос у него такой нежный, что в груди что-то ломается. — Мне так хочется хотя бы этот миг с тобой побыть. Как раньше... Словно не было ни боли, ни разлуки, ни всех этих лет. Ничего не было, Вася. Были только счастливые, безбашенные мы.

Каждое его слово — как игла под кожу. Больно до дрожи. Но я позволяю себе слабость. Опускаю голову на его грудь, прикрываю глаза и слушаю, как рвано и громко бьётся его сердце, будто оно тоже не знает, как правильно.

Марк запускает ладонь в мои волосы, перебирает пряди медленно, бережно, будто боится сломать. Его пальцы такие знакомые и такие чужие одновременно.

— Завтра всего этого не будет, — шепчу едва слышно, и собственный голос дрожит, — Надеюсь, ты это понимаешь.

Он молчит. Лишь сердце под моей щекой колотится всё сильнее, и этот стук бьёт прямо в мои вены. Я сглатываю тугой ком в горле, в глазах жжёт, будто там горит соль.

Жизнь... чертовски сложная штука. Иногда кажется, и ста лет не хватит, чтобы во всём разобраться. Хотя другие говорят, что это мы сами её любим усложнять. Я не знаю, кто из них прав. Но знаю одно: сейчас мне хорошо. Так хорошо,

как не было никогда все эти годы. И врать самой себе — бессмысленно.

— Васька... моя... — Марк почти шепчет, и в этом шёпоте столько боли и жадности одновременно, что я теряю остатки сил.

Он начинает подниматься, и я, словно по инерции, тоже подаюсь вперёд. Мы встречаемся глазами. В этих взглядах и понимание, и обречённость, и что-то, от чего замирает дыхание. Мы оба знаем: это неизбежно. Сегодня мы для друга друга неизбежны.

И когда наши губы наконец соприкасаются, я уже не думаю ни о чём. Отпускаю себя, позволяю упасть в этот поцелуй, в его руки, в эту ночь. Разрешаю быть самой ужасной женщиной на свете, но счастливой.

Потому что я точно знаю: утром карета превратится в тыкву. И я снова захлопну своё сердце на все замки, включу холодный разум. Но пока... пока я жива в его объятиях.

Глава 9

— Мира, носок тяни! — наблюдаю за своей подопечной:
— Выше голову! Стоп! — хлопаю в ладоши.

Подхожу ближе и вижу, как она вся переживает, но мы уже третий раз прогоняем, и третий раз она не ловит обруч... а это сразу в конец списка.

— Если не получается так, то сделай иначе, — беру у неё обруч и медленно показываю, как можно поймать его из положения лёжа и не руками, а ногами.

Другие ребята тут же начинают аплодировать. Это стандартная ситуация, когда тренер что-то показывает, потому как мы всё-таки редко демонстрируем свои навыки в таком амплуа.

Улыбаюсь им, качая головой, а Мирославе говорю.

— Давай ещё раз сама, — считаю, чтобы ей было легче сориентироваться.

Со второй попытки у неё выходит, и она довольная кивает.

— Тогда ещё раз сначала, — командую хлопком, давая команду девочкам, чтобы включили колонку.

Поворачиваюсь, чтобы встать на своё место, и только сейчас замечаю его взгляд.

Он стоит в проёме, приоткрыв дверь. Прислонился к косяку. Разглядывает без стеснения и слишком навязчиво, чёрт возьми.

Прикрываю глаза и отворачиваюсь, делая вид, что даже и не заметила. Пусть, что хочет, то и делает. Но работе моей он не помешает.

— Поехали! — командую и, скрестив руки на груди, обхожу наш палас, просматривая, как Мира выполняет все элементы.

Она у нас претендент на первое место. Их таких несколько, но вторая девочка сегодня отсутствует. Потому, учитывая серьёзность сборов, да и тех, кто будет в жюри, у меня остаётся только Мирослава.

— Отлично, — подбадриваю её, и всё равно для себя акцентирую внимание на носках.

Дальше остаётся несколько прогонов с остальными, и, в конце концов, около восьми я освобождаюсь. Переодеваю спортивный костюм на свою одежду и выхожу из центра.

— Давно ждёшь? — подхожу к Роме.

— Нет, сам только вышел, — он и правда стоит со своей спортивной сумкой, а его волосы ещё влажные после душа: — Едем? — кивает он в сторону своей машины.

Киваю и ему в ответ.

— Как твои подопечные? — пока мы медленным шагом идём к автомобилю, спрашивает он.

— Ну, — тяну я, засовывая руки в карманы плаща: — Мирослава очень талантливая девочка. Ставлю на то, что ей откроется много дорог, если она возьмёт первенство на этих сборах. У остальных есть недочёты, но они все умнич-

ки. Твои как?

— У меня пара несносных драчунов, что между собой не могут поделить места, — усмехается Буднев.

Смеюсь на его досадное лицо.

— Ну такой уж вы спорт выбрали, Роман Сергеевич.

— Смейся, смейся, Вась, — поворачивается он в мою сторону.

Подходим к пассажирской двери, и он, качая головой с мнимым упрёком, открывает её.

Всё ещё посмеиваясь, я сажусь в салон, однако взгляд случайно ведёт в сторону, пока Рома обходит машину.

И я вижу чёрный джип, который стоит заведённым и светит фарами. Только вот движение не начинается.

Что за...?!

Смех сходит на нет, да и настроение тоже портится.

Он теперь решил преследовать?! Серьёзно?! Спустя четыре года...совсем свихнулся?

Отворачиваюсь от его машины, но замечаю, как опускается водительское окно, и из салона тянется струя дыма.

— Но, откровенно, мои способны, только дисциплина страдает. Надеюсь на то, что из Аквамарины никого не будет. Сама знаешь о нашем противостоянии...

Когда Рома садится в машину, заводит еёи объясняет. Да, с Аквармином у нас, у всех сложности. Очень серьёзная школа подготовки, а ещё крайне скверные характеры, что у тренеров, что у подопечных.

— Я уже жду этот обмен любезностями с Кондратьевой, — усмехаюсь я, называя основного тренера Аквамарина по художественной гимнастике.

Рома тоже кивает, и мы, наконец, выезжаем с парковки. Намеренно смотрю в боковое зеркало. И когда я вижу машину, следующую за нами хочется материться на весь салон.

Это уже ни в какие ворота...

— Я забронировал стол, как и договаривались в нашем месте, — переводит тему Рома.

Рассеянно киваю, потому что Буднев лавирует в потоке машин, а я наблюдаю за чёрным внедорожником, что едет аккуратно за нами.

До чего же Леонов, ты изменился... Раньше бы, он посмеялся на подобные жесты. Пусть и был мужчиной, который ревновал — это не отнять. Но, чтобы буквально следить, не пойму, что я такого сделала, что заслужила это навязчивое внимание. И едва ли мне это нравится.

Жить под прицелом вдруг объявившегося бывшего, из-за которого я лишилась главной мечты своей жизни — стать мамой, уж явно не об этом я мечтала.

— За тобой завтра заехать? Забрать? — вдруг спрашивает Рома, вырывая меня из потока мыслей.

— Я доберусь сама, спасибо.

— Василис, — я уже даже по тону понимаю, что продолжение фразы мне не понравится: — Просто чтобы ты понимала, мой интерес не утих, — бросает он секундный взгляд

в мою сторону: — И если ты скажешь «отвалить» — я спокойно приму, но до тех пор...

— Ты ведь знаешь, — отвечаю Роману с глубоким вдохом.

— Я тебе могу помочь, могу просто быть рядом, как друг...пока, — звучит он уверенно: — В конце концов, тебе нужно будет ездить по детским центрам и опекам, почему бы не принять помощь.

Поджимаю губы, потому что отчасти он прав. Но я опять же не хочу давать эти наивные надежды, которые ник чему не приводят. По своему опыту знаю, что это тебя разрушает изнутри. А я бы не хотела причинять боль, он её не заслужил.

— Ладно, — киваю я глухо, на что вижу, как Рома тянет уголок губ в полуулыбке.

Сама же отключившись от наблюдений, вновь смотрю в боковое зеркало.

Едет, чёрт возьми.

И как только наглости хватает?

Для чего этот цирк?!

Разве не понимает, что все его действия в прошлом — это результат того, что он меня тогда уже отпустил. Задолго до того, как лёг с кем-то в постель. Ведь измена — это не только физический акт, это в голове.

Марк выдавал себя не доказательствами, которые я искала или находила. Нет, отнюдь. Это были его же жесты, холодность и отстранённость, задержки, вечерние собрания и пароль на телефоне. Изменяющий ведь никогда не выдержит

вопрос «а хотелось ли ему быть с кем-то другим?». Тот, кому есть что скрывать, всё покажет, даже не заметив.

Марк показал, потому что на следующий день после озвученного вопроса, он начал активно сокращать ту дистанцию, которую до этого сам же между нами увеличил.

Я просто в какой-то момент перестала существовать в его сердце, а он пытался перевести стрелки на меня типичными вопросами «ты мне не доверяешь?»

А я уже не доверяла.

Я не стала громко кричать, выслеживать. Отчасти мне было не до этого. Потому я молча и спокойно ушла, тихонечко закрыв дверь в эту историю.

Наконец, мы останавливаемся на парковке ресторана, и, сделав глубокий вдох, я искренне надеюсь, что он проедет мимо.

Однако, когда мы с Ромой выходим из машины, то я наблюдаю, как паркуется неподалёку этот чёртов катафалк.

Будет забавно, если мы успеем войти, а Леонов, явно считая, что у нас свидание, влетит следом и увидит всех наших...

Глава 10

Двигаемся к крыльцу ресторана, а в сторону известной мне машины не смотрю.

— Ты подарок взял? — спрашиваю у Буднева, который в ответ кивает.

Наш Арсений, тренер по плаванию, можно сказать, представляется сегодня по случаю своего дня рождения. А мы подготовили небольшой презент, чтобы порадовать друга.

— Да, на месте.

Подходим уже ко входу, и Роман тянется к ручке.

— Василиса! — слышу, как меня окликает грозный баритон Леонова.

Прикрываю глаза с глубоким вздохом. Успеваю заметить замешательство Романа, но с этим разберусь позже.

— Вась? — слышу, как он обескураженно шепчет: — Что ему опять от тебя надо?

Рома хмурится и явно чувствует, что здесь что-то не так.

Вздыхаю, открывая глаза, и смотрю на него.

— Мы развелись четыре года назад, — озвучиваю я, качая головой: — И по случайности или нет, он вдруг купил центр, — Буднев усмехается, вскидывая брови.

— То-то мне ещё на вечере показалось, нечисто здесь, — озвучивает он с ощутимым осадком.

— Не хотела афишировать эту связь, — отвечаю ему: —

Чтобы меня вообще не ассоциировали с этим человеком...
— добавляю многозначительно и слышу позади нас шаги.

Рома смотрит за моё плечо, а потом тихо спрашивает.

— Мне остаться? — очень мне импонирует в нём эта тактичность и понимание.

Качаю головой в ответ, но спешу добавить.

— Я, если что обращусь за помощью, Ром, — обещаю ему, потому что даже сама уже об этом думала: — Спасибо.

Он подмигивает в ответ и, наконец, открывает дверь. А Леонов тем временем останавливается рядом со мной на крыльце. Спиной его ощущаю, да и шаги элементарно прекратились.

— Что тебе опять нужно, Марк? — оборачиваюсь, глядя на него прищуренным взглядом: — Ты совсем сбрендил? Будешь следить за мной? — не делаю даже паузы между вопросами: — Не поздновато спохватился? Может, надо было следить в другое время, нет?

Вижу, как проявляются желваки на щеках, и он прекрасно знает, о чём я. Буквально в его глазах вижу, как отчётливо он помнит те события.

В момент, как он хочет открыть свой рот, его телефон разрывает напряжение между нами звонком.

— Я хочу поговорить, Вася, — озвучивает он, не обращая внимания на стандартную мелодию известной всем марки смартфона.

— Я не хочу, представляешь? Ты всё ещё считаешь, что

мне может быть интересен диалог с тобой? И это, после того, как уничтожил мою жизнь?

Отчего-то его желание говорить внутренне вызывает у меня смех. Открыто я не смеюсь, однажды, он уже назвал меня сумасшедшей, и не ради красного словца.

Я действительно не понимаю смысла в беседе, и главное, не вижу ни единого предлога...а для чего же, собственно, это делать?!

Звук его телефона замолкает.

— Тон, Васенька, следи за тоном. — прищуривает он глаза.

Ох, это нам ещё не нравится, когда его языком говоришь... Ухмыляюсь и кривлю рот в мнимом замешательстве. Но как только я хочу ответить, айфон вновь сходит с ума.

— Да ответь ты ей, — качаю головой.

Я ведь по-женски чувствую, кто это может быть. Тем более так настырно. Просто-напросто на своём опыте прекрасно ощутила.

— Время позднее, с работы ты уже должен был вернуться, а она с остывшим ужином, небось, ждёт, — продолжаю, а ему определённо не нравится то, что я говорю: — Я ведь была на её месте, знаю, что это такое, Леонов, — с тихим смехом добавляю и двигаюсь к двери ресторана.

— Мы должны обсудить то, что случилось между нами, — чеканит он по слогам, дёргая меня за руку, на что я мгно-

венно закипая, вскидываю бровь.

— Достаточно. — хочу освободиться от хватки, но он лишь крепче сжимает локоть.

— Мы развелись из-за тебя, Василиса, — глухо сквозь зубы цедит: — Не из-за меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.